

участников такового, принимающей во внимание возможные последствия вытекающих из данных обстоятельств поступков.

Список использованной литературы:

1. Бахтин, М.М. Собрание сочинений, т.1. Философская эстетика 1920-х годов / М.М. Бахтин. – Москва: Русские словари, 2003 – 957 с.

Каравкин В.И.

*ГУДОВ «ВОИРО», Республика Беларусь, г. Витебск
Доцент, кандидат философских наук
vkaravkin@yandex.ru*

УДК 316.6

ДИАЛОГОВЕДЕНИЕ

В работе обосновывается актуальность и воссоздается теоретическое учение о диалоге Г. Гадамера, М. Бубера и М.М. Бахтина. На основании их построений, делается вывод о необходимости нести ответственность за бытие открытости для утверждения диалогических взаимоотношений в жизни людей.

Ключевые слова: диалог, монолог, актуальность, изменения, открытость, ответственность.

DIALOGIC EDUCATION

Topicality is justified and theoretical doctrine of dialogue between G. Gadamer, M. Buber and M.M. Bakhtin is being recreated. On the basis of their construction, a conclusion is made about the need to be responsible for the existence of openness for the establishment of dialogical relations in people's lives

Key words: dialogue, monologue, topicality, changes, openness, responsibility.

Введение. Термин диалог греческого происхождения (dialogos), под ним обыкновенно понимают:

- речевую коммуникацию посредством обмена репликами, т.е. такую форму устной речи, когда ведут разговор двое или несколько лиц;
- в переносном смысле, свободный обмен мнениями, переговоры;
- часть текста, который доминирует в драме и присутствует в других словесно-художественных, публицистических, философских жанрах.

Диалогично само мышление, которое еще Платон называл «беззвучным разговором души с самой собой», а В. Гумбольдт и Л. Фейербах отстаивали мысль о том что, только отразившись от чужой мыслительной способности, понятия способны обрести точность и определенность.

Материал и методы. *Диалоговедение*, на наш взгляд, создано мыслителями первой половины XX в. Трех из них принадлежит в этом особая роль: Г.-Г. Гадамеру, М. Буберу и М.М. Бахтину. К теоретическому анализу их идей о сущности, значении и месте диалога в социальной жизни мы и обратимся.

В отношении наследия М.М. Бахтина, до сих пор вызывающего разночтения, в данной работе будем придерживаться точки зрения их не экстенсивного, а интензивного развития, заключающейся в том, чтобы подвергать анализу «культурфилософскую концепцию Бахтина в ее диалогическом варианте. Пусть это звучит, может быть, и не оригинально и не ново, но неутрачивающие споры вокруг различных тем бахтинистики свидетельствуют о постоянной актуальности обозначенного подхода» [1, с. 150-151].

Результаты и их обсуждение. Г.-Г. Гадамер фиксировал внимание на том, что диалог начинается с общения, существует в общении, в нем являет свой универсализм и уникальность. Простейшей, элементарной «клеткой» общения является речевая коммуникация – *разговор*. В нем люди высказывают свое мнение, отстаивают свою точку зрения, раскрывают перед другими людьми свои чувства, побуждения, мысли. Анализируя сущностные особенности речевой коммуникации, Г.-Г. Гадамер приходит к выводу: в ней «воздвигается общее поле говоримого. Реальность человеческой коммуникации в том, собственно, и состоит, что диалог – это не утверждение одного мнения в противовес другому или простое сложение мнений. В разговоре оба они преобразуются. Диалог только тогда можно считать состоявшимся, когда вступившие в него уже не могут остановиться на разногласии, с которого их разговор начался. Нравственная и социальная солидарность оказывается возможной только благодаря общности, которая перестает служить выражением моего или твоего мнения, будучи общим способом миропонимания» [2, с. 48].

Диалог, далее, согласно Г.-Г. Гадамеру, имеет определенную *структуру*, которая может быть представлена цепочкой чередующихся *вопросов и ответов*. Это означает, о чем бы люди ни говорили, они либо вопрошают, либо дают ответы на вопросы. Утверждение есть ответ на предполагаемый вопрос. Рассказ о происшедшем есть ответ на вопрос о том, что случилось в то время там или здесь. Признание, скажем, в дружбе или в любви, есть ответ на вопрос об отношении к близкому человеку. Диалогический вопрос всегда потенциально содержит в себе ответ, предполагает ответ. Он может быть разным по содержанию, порой диаметрально противоположным тому, о чем думает вопрошающий, но всегда имманентно присутствует в вопросе. В свою очередь, ответ мотивирует следующий вопрос, так как содержит в себе новое неизвестное. Цепочка вопросно-ответных связей в диалоге не прерывается.

Более того, и *внутренний духовный мир человека имеет диалогический характер*: мы сами себе задаем вопросы и даем ответы на них. То, что принято называть разговором с самим собой, является, по сути, диалогом с воображаемыми оппонентами.

Вместе с тем, для того, чтобы вопрос приводил к ответу, он должен быть *понят*. Невозможно отвечать на то, чего не понять. Понимание не только порождает диалог, но и одновременно зарождается в диалоге. Там, где диалог, там понимание, и обратное, там, где понимание, там диалог. «Таким образом, – делает вывод Г.-Г. Гадамер, – процесс обмена вопросно-ответными репликами обнаруживает структуру, лежащую в основе человеческого общения, фундаментальную структуру диалога. Этот феномен составляет суть человеческого понимания» [2, с. 130].

М. Бубер, в работе с характерным названием – «*Диалог*», обосновывает, что он не ограничивается общением, а в общении *выражается*, представляя собой *отношение* человека к человеку. Диалог детерминирован *внутренней духовной направленностью*. Два (условно, дело не в количестве) человека, прежде чем вступить в диалогическое взаимное общение, должны быть обращены друг к другу, должны *воспринимать* друг друга.

Философ выделяет три способа восприятия: *наблюдение, созерцание и проникновение*. Первые два имеют эстетический характер. В наибольшей степени наблюдение и созерцание присуще художникам. При эстетическом восприятии тот, кого воспринимают, остается отдаленным от личной жизни воспринимающего, остается противостоящим предметом, который не является судьбоносным для

него. *Проникновение* является таким способом восприятия другого, при котором он, другой, обращен к личности воспринимающего, взывает к ней, требует ответа, при этом не имеет значения в какой форме, в частности, на каком языке. «Границы возможности диалога – это границы проникновения», – пишет М. Бубер [3, с. 101].

М.М. Бахтин, работая над проблемами эстетики словесного творчества, приходит к выводу о *диалогической сущности человеческой жизнедеятельности*, что с необходимостью должно сказываться и на специфике ее познания и на особенностях ее духовного выражения в художественной литературе.

Относительно гуманитарного познания, М.М. Бахтин отличает его от естественнонаучного: «Точные науки – это монологическая форма знания: интеллект созерцает *вещь* и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только *безгласная вещь*. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только *диалогическим*» [4, с. 383]. Обратим внимание на близость точки зрения М.М. Бахтина идеям М. Бубера. Когда воспринимающему, в случае, который рассматривает М.М. Бахтин, познающему, противостоит предмет, «безгласная вещь», диалога не существует. Но человек не может быть предметом, вещью, он, фигурально выражаясь, «глашатай», он обладает такой же способностью высказываться, даром голоса, как и воспринимающий-познающий. Диалог обретает онтологический статус. Возникает сфера понимания, когда друг с другом встречаются *два субъекта*.

Обобщая идеи М.М. Бахтина, диалог можно представить как *субъектно-субъектные отношения взаимопонимания*.

Отталкиваясь от представленного тремя разными мыслителями XX века *диалоговедения*, дадим анализ воздействия диалога на его участников.

Каждый человек обладает привитыми в процессе воспитания и образования установками, стереотипами, ценностными ориентациями, паттернами поведения, максимами, принципами, нормами и пр., что можно обозначить *гадамеровским* понятием «*исторического горизонта*». При *диалогической направленности отношений*, в *буберовском* истолковании – при взаимном *проникновении восприятии*, возникают *субъектно-субъектные* контакты взаимопонимания, согласно *бахтинской* логике.

Это приводит к тому, что субъекты, во-первых, обретают *актуальность*, во-вторых, *изменяются*.

Обрести актуальность означает оказаться в современном мире – *здесь и сейчас* – таким, каковым являешься по исконной сути своей, во всей полноте экзистенциальных потребностей, чувств, эмоций, представлений, мыслей. Обрести актуальность означает утвердить себя, раскрыться, явить в мир свою личность. Обрести актуальность означает быть понятым.

Происходит это в процессе диалогического общения, которое всегда есть *взаимное порождение* и, в этом смысле, *становление мира духовной человеческой реальности*. Реальность оказывается такой, каким является общение. Реальность создается участниками диалога.

Диалог полифоничен, его можно представить дуэтом, трио, квартетом, хором, когда разные по тембру голоса создают полноту мелодии.

Понимающим проникновением в индивидуально-личностное диалог, в то же время, актуализирует самобытное. Когда исполнителя песни слушают, она звучит,

возникает атмосфера, созданная ее содержанием, ее мелодией, ее художественным пафосом. Не услышанное пение можно уподобить птичьему гомону.

В современном цивилизованном мире высоких технологий пространство не является преградой для диалогического взаимодействия. Например, мелодии, звучащие в телеэфире или Интернете, способны находить отклик в сердцах слушателей, обретая актуальность.

Для диалога не является преградой не только пространство, но и время. Обращаясь к наследию прошлого, современники актуализируют его, превращая в часть своего духовного мира. Настоящее не порывает с прошлым.

Таковым является хронотоп творимой в процессе диалогического общения реальности.

Но верным является и обратное: отсутствие диалогических взаимоотношений ведет к опустошению действительности.

Обретая актуальность, далее, *субъекты диалога изменяются*.

Это означает, что в процессе диалога происходит взаимная корректировка стереотипов и установок, норм и паттернов, убеждений и принципов, в целом, расширение общего кругозора мировидения.

Бесспорно, все зависит от самих субъектов диалога, от вступающих в собеседование партнеров, но и в том случае, когда результатом является приобщение к невысоким образцам, скажем, морали или художественного творчества, есть все основания фиксировать изменение. Однако о диалоге можно говорить только тогда, когда *изменения происходят ненасильственным путем*, т.е. сохраняется личностная целостность, которая и актуализируется в процессе диалогического общения.

Легко понять, как изменяется современник, приобщаясь к наследию прошлого: узнавая новое, сопереживая, восхищаясь либо негодуя, он отчасти становится другим, оставаясь самим собой как целостная личность. В этом суть диалогического общения.

Но изменяются и авторы прошлого, проникая в духовный мир современников. Сохраняя *значение* слов, произнесенных ими, современники с неизбежностью меняют их *смысл*. Каждое поколение людей, как и каждый человек в отдельности, по-своему воспринимает тексты и события прошлого. Отсюда, например, известное, но не утратившее своей высокой правды, выражение: «у каждого свой Пушкин». Опорное слово, в данном контексте, «*свой*».

Насколько реальна актуализация, настолько неизбежна трансформация. В этом суть диалога – *сохраняя, изменять*. Но в этом же суть самой жизни. Диалог есть форма ее осуществления, адекватное ей ее же существование. В процессе диалога происходит *изменение во времени* того, что изменяется, – самой *духовной жизни*, шире, *духовной реальности*. Она, сохраняясь, *естественно* течет, пребывает в динамическом состоянии. Таков *онтологический статус диалога*. Его образно можно представить *воздухом, нехватка которого деформирует, уродует, а то и лишает жизни*.

Чтобы лучше осознать сущность и значение диалога в жизни людей, дадим анализ его антиномии – *монологу*.

Под монологом (от греч. *monos* – один, единственный) в обыденной речи понимают высказывание одного лица. В беллетристике монолог преобладает в лирике и драме, является важной составляющей эпоса и повествовательной прозы, как правило, в форме «внутреннего монолога» героев.

Под монологом в процессе общения будем понимать *утверждение* любыми способами, включая и насильственные, *единообразия*. Носители монологического

сознания убеждены в том, что именно их мировоззрение, их принципы, максимы, ценностные установки, художественно-эстетическая ориентация и пр. являются единственно верными, требующими любыми способами и средствами укоренения в жизнь.

В области социально-политической монолог является формой существования официальной культуры в условиях тоталитарных и авторитарных режимов.

В области духовной культуры монолог проявляется в самых разных сферах, чаще всего в сакральной, научной, художественно-эстетической. Следует иметь в виду, что различные формы преследования инаковерующих, представителей разных научных направлений и стилей искусства связаны не непосредственно с религией, наукой и искусством, а с амбициозными претензиями священников, ученых, художников. Другими словами, носители определенных религиозных воззрений, члены научных сообществ или художественных объединений могут способствовать гонениям и преследованиям в силу *монологических установок* отрицательного отношения к тому кругу явлений, к которому сами не принадлежат. История изобилует примерами подобного рода. Так, в бывшем Советском Союзе представители атеизма вполне искренне способствовали гонениям на верующих; ученые-марксисты подвергали остракизму все так называемые буржуазные направления в науке; а художники реалисты – стили нереалистического течения в искусстве.

В повседневной жизни люди монологической ориентации, как правило, надменны, спесивы, надоедливы, навязывают свое мнение, свою точку зрения, способствуют возникновению интенсивных конфликтов по самым незначительным поводам.

М. Бубер вскрыл основные причины этого. Прежде всего, считал мыслитель, следует различать три вида диалога: *подлинный, технический и замаскированный* под диалог *монолог*.

Подлинный диалог может быть выражен в самых разных формах, как в словах, так и в молчании; «в этом диалоге каждый из его участников действительно имеет в виду другого или других в их наличном и своеобразном бытии и обращается к ним, стремясь, чтобы между ним и ими установилось живое взаимоотношение» [3, с. 108].

Технический диалог вызван к жизни необходимостью взаимного общения. В современном мире чаще встречается именно он. Технический диалог можно определить так же, как формальный: люди, вынужденные общаться, вступают во взаимные отношения, но остаются и душевно, и духовно далекими друг от друга.

В том случае, когда, вступая во взаимное общение, остаются полностью погруженными в себя, говорят с другими, но слышат только себя, по сути, разговаривают сами с собой, думая при этом, что избавлены от мучительного одиночества, следует фиксировать «замаскированный под диалог монолог». Он напрямую связан с духовным миром людей, неспособных воспринимать других. Монологической является не жизнь одинокого человека, а жизнь того, кто не способен воспринимать сообщество людей, в которое приведен судьбой, считает М. Бубер. «Диалогическое существование, – пишет он, – обретает даже в крайнем одиночестве глубокое, придающее ему силы предчувствие взаимности; монологическое – даже в нежнейшем общении не выходит за пределы своей самости» [3, с. 109].

Причиной монолога – утверждения единообразия, таким образом, следует признать *неспособность воспринимать общность* людей.

Подойдя к данному выводу, М. Бубер предложил различать понятия «общность» и «коллектив». Дело в том, что работа «Диалог» была написана им в 1930

году, когда общественные формирования консолидировались по признакам чисто внешнего характера либо противостояния и ненависти к определенной социальной группе, например, фашизм и нацизм. «Коллективность, – писал мыслитель, – основывается на органическом ослаблении личности, общность – на его росте и подтверждении в стремлении друг к другу. Одержимость коллективностью данного времени – это бегство личности от попытки испробовать общность, посвятить себя общности, бегство от ищущей выражения самости жизненной диалогичности в сердце мира» [3, с. 119].

На наш взгляд, можно давать разные определения понятиям «общность» и «коллектив», но принцип буберовского подхода к диалогу и монологу в отношении личности и ее социального окружения представляется верным.

Итак, в процессе диалога усиливается личностное начало вместе с осознанием себя частью сообщества, в котором живешь, так как именно оно способствует раскрытию самобытности. Диалог возможен там и тогда, где и когда не похожие друг на друга личности содействуют становлению взаимной душевно-сердечной близости и формированию духовной творческо-созидательной активности.

Монолог, утверждая единообразие, противостоит и личностному своеобразию и общности активного духовного сотворчества. Следовательно, важнейшей *причиной* монолога является *утрата личностного своеобразия и творческо-созидательной активности*.

Как легко убедиться, от каждого человека, от каждой конкретной личности зависит атмосферу диалога или монолога она создает. Вот почему необходимо осмыслить, какой личностью *должна* быть, чтобы не утратить самобытность, реализовать свой творческий потенциал, главное, жить полнотой единения с миром людей.

Когда речь идет о должном, имеются в виду *рациональные принципы*, построенные на базе определенного основоположения. Таковым в данном контексте является утверждение естественного характера диалога. Принципы на рациональном уровне определяют линию поведения человека; утверждая их, отвлекаются от своеобразия индивидуальной психики или сиюминутных побуждений. В этом заключается природа рациональных установок: они диктуют, направляют, выступают в качестве ценностных ориентиров.

Утверждение идеи *сохранения и постоянного возобновления диалога* следует признать делом *жизненно необходимым*. Претворение данной идеи в жизнь, в свою очередь, требует от нас выдвижения на передний план двух принципов – *открытости* и *ответственности*.

Быть открытым означает *признание многообразия существующего мира*. В нем множество разноликих, разноплановых, разнонаправленных стереотипов, установок, воззрений, нравственных максим, эстетико-художественных ориентаций и пр. и пр. В нем существует неисчислимое множество явлений духа. Принцип открытости диктует: существует и *должно существовать*, есть и *должно быть* многообразие, каким бы странным, дальним и далеким от конкретного человека порой ни было бы оно. Открытость как принцип есть первый шаг к осмыслению собственной ограниченности, есть требование признать ее, есть гарантия уничтожения в себе или в близком окружении самой возможности монологического диктаторства. «Ибо там, где между людьми установилась открытость, пусть даже не в словах, прозвучало священное слово диалога» [3, с. 96]. Открытость – принципиальная рациональная установка, ведущая к диалогу, а соответственно, к сохранению и приумножению культурного богатства общества и его личностей.

Принцип открытости можно утверждать только *наряду с принципом ответственности за существование диалога.*

Декларирование, *за что* следует нести ответственность, является предельно важным. Этим предполагается определенная линия поведения, определенный стиль жизнедеятельности, определенный выбор встречающихся альтернатив. Так, руководствуясь принципом ответственности за существование диалога, субъекты культуры будут отстаивать многообразие, например, религиозных воззрений, но протестовать против тех из них, которые своей догматикой призывают к различным формам притеснения инакомыслящих; признавать необходимость существования в социально-политической жизни страны множества партий, за исключением тех из них, которые требуют ликвидации других; на художественных выставках будут представлять все возможные стили, направления, течения художественного творчества, несмотря на личные привязанности.

При этом речь не идет о том, что следует отказываться от собственных убеждений или привязанностей. Диалог, вновь обратимся к М. Буберу, как раз и есть встреча «убежденности с убежденностью», «открытой личности с открытой личностью»: «Ни один из спорящих не должен отказываться от своих убеждений, но, преднамеренно совершая что-то, они приходят к чему-то, называемому союзом, вступая в царство, где закон убеждений не имеет силы» [3, с. 98]. Речь идет об ответственности за саму жизнь, которая по природе, по сути своей, в рассматриваемом нами аспекте, диалогична. М. Бубер требует вернуть понятие ответственности из сферы абстрактного должностования, из сферы этики, существующей для специалистов в области философии, в сферу непосредственной действительности, самой жизни. «Только так, в верности мгновению, мы узнаем жизнь, которая есть нечто другое, чем сумма мгновений, – пишет мыслитель. – Мы отвечаем мгновению, но отвечаем и за него, мы несем ответственность за него. В наши руки отдан новый континуум мира, мы ответственны за него. Собака взглянула на тебя, ты отвечаешь за ее взгляд, ребенок взял тебя за руку, ты ответствен за его прикосновение к тебе, толпа людей движется вокруг тебя, ты ответствен за их бедствия» [3, с. 107]. В непосредственной жизнедеятельности, предупреждает другой мыслитель XX века Э. Фромм, ответственность не следует связывать с возможностью наказания. Ответственность есть *не признание греха или вины, а осознание своего поступка*: каждый человек *должен* (принцип ответственности) сознавать, что он делает. Каждый отвечает за свои поступки, осознавая их направленность. «*Добродетель – это ответственность по отношению к собственному существованию. Злом является помеха развитию человеческих способностей; порок – это безответственность по отношению к себе*» [5, с. 33].

Такое понимание ответственности дает возможность признать ее людям самых разных ценностных ориентаций или мировоззрений.

Чтобы лучше убедиться в этом, обратимся к экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра, который настаивает на признании *глобальной ответственности человека*, при том, что он исконно свободен, ему не на что опереться, у него нет оправданий, ему нет извинений. «Достоевский как-то писал, что «если бога нет, то все дозволено». Это – исходный пункт экзистенциализма», – пишет Ж.-П. Сартр [6, с. 327]. Из этого вытекает, что человек несет ответственность за себя и за все, что происходит в мире. Ответственность имеет тотальный характер, человек «несет на своих плечах всю тяжесть мира»; в этом его судьба и в этом же его подлинно человеческое предназначение. *В данном контексте, утверждает философ, каждый человек выбирает не только настоящее, поступками формируя его, но и свое про-*

шное. Осознавая свое рождение, мы выбираем его, осознавая, что прошла война, мы выбираем ее, следовательно, *несем ответственность* не только за то, что есть и будет, но и за то, что было. Ответственность эта выражена в нашем *осмыслении* прошлого, *в нашем отношении к нему*. «Таким образом, первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование» [6, с. 323]. В таком случае, суть дела заключается вовсе не в том, существует Бог или нет. «Человек должен обрести себя и убедиться, – пишет Ж.-П. Сартр, – что ничто не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования бога» [6, с. 344].

Иную логику рассуждений, но с *тем же окончательным выводом*, представил М. Бубер. Ответственность существует, считает он, в том случае, если есть Высшая инстанция, перед которой человек ответствен. Держать ответ можно только перед кем-то, влекущим к *безусловному*. Таковым является Бог. Он – безусловное – без условий, без относительно к чему-либо внешнему, без оправданий, ссылок на обстоятельства и пр. и пр., содержит в своей обращенности к человеку единственно возможную сокровенную правду-истину, которую человек своими поступками реализовывает в мире, либо от которой поступками же отстраняется. В этом суть ответственности. Но вместе с тем, М. Бубер вполне категорично заявляет: «Слово того, кто хочет говорить с людьми и не говорит с Богом, не находит своего воплощения, а кто хочет говорить с Богом и не говорит с людьми, идет по ложному пути» [3, с. 105]. Другими словами, вне разговора с людьми, вне ответственности перед ними, что и означает ответственность перед самим собой как представителем рода человеческого, не следует говорить об ответственности перед Богом. «Человек может всеми силами отвергать бытие Бога и ощущать его в строгой святости диалога», – делает окончательный вывод М. Бубер [3, с. 107].

Принцип ответственности за существование диалога является, таким образом, универсальным.

Заключение. Следует нести *ответственность за бытие открытости*, фигурально, так, как учит Будда проносить сосредоточенность сознания. Представьте, что у Вас в руках чаша до краев наполненная жидким маслом. Стоит одной капле упасть на землю, и Вы будете казнены. А нести чашу предстоит сквозь толпу эмоционально возбужденных мужчин, отталкивающих друг друга, суетящихся, чтобы лучше разглядеть проходящую мимо красавицу («Джатака о чаше, полной масла»).

Воссоздавая теоретическое учение о диалоге, мы использовали творческое наследие чуть ли ни столетней давности. Но оно не утратило актуальность. В данной связи, мы полностью разделяем позицию исследователей, предлагающих «Концепт современности»: «Современность как со-временность, немислима вне *диалога* с прошлым и будущим и может быть понята только в рамках диалогической философии» [7, с. 77].

Завершим работу словами М.М. Бахтина, не сомневаясь в их теоретической состоятельности и сакраментальной Правде: «Конец диалога был бы равносильен гибели человечества» [8, с. 189].

Список использованной литературы:

1. Белов, В. «Вечные проблемы» в исследовании творчества М.М. Бахтина / В. Белов // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. – 2017. – Выпуск 1. – С. 143–152.
2. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.Г. Гадамер. – М., 1991.
3. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. – М., 1995.
4. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М., 1986.

5. Фромм, Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М., 1993.
6. Сартр, Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.П. Сартр // Сумерки богов. – М., 1989. – С. 319–344.
7. Богданов, С.И. Концепт современности. Опыт диалогической аналитики / С.И. Богданов, К.С. Пигров, К.В. Султанов // Общество. Среда. Развитие. – 2018. – № 1. – С. 77–83.
8. Бахтин, М.М. О полифоничности романов Достоевского / М.М. Бахтин // Говорит Россия... Беседы, записанные Збигневом Подгужецем. – Россия\ Russia. Studi e ricerche a cura di Vittorio Strada. – 1975. – № 2. – С. 189–198.

Каратерзи В.А.

*ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск
Магистр психологических наук
v_123456789@list.ru*

Климкович М.В.

*ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск
Студент
maiymartin@mail.ru*

УДК 159.9:101.9(091)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ М.М. БАХТИНА

Статья посвящена отражению психологической проблематики в трудах М.М. Бахтина. Представлены психологические понятия, которые мы находим в работах М.М. Бахтина, авторское видение рассматриваемых понятий, а также возможная современная трактовка подходов великого ученого к содержанию описанных переменных.

Ключевые слова: личность, конкретность личности, целостность личности, ответственность.

PSYCHOLOGICAL PROBLEMS IN THE WORKS OF M.M. BAKHTIN

The article is devoted to the reflection of psychological problems in the works of M.M. Bakhtin. Presented psychological concepts, that we found in the works of M.M. Bakhtin, the author's vision of the given concepts, as well as the possible modern interpretation of the approaches of the great scientist to the content of the described variables.

Key words: personality, specificity of personality, integrity of personality, responsibility.

Введение. Взаимоотношения М.М. Бахтина с психологией, вероятно, более сложные, чем с любой из других научных дисциплин. Анализ его трудов позволяет предполагать, что Бахтин недолюбливал психологию. При этом в его творчестве очень много традиционной психологической проблематики, например, можно встретить понятия личность, общение, сознание, самосознание и другие, при этом исследования психологов Бахтиным не используются (за исключением разве что «Фрейдизма») [7]. Зачастую складывается впечатление, что Бахтин, вслед за Ф.М. Достоевским, наделяет психологов статусом «шпионов» и не верит в их возможности адекватного познания человека [1; 2].

Несмотря на скепсис Михаила Михайловича в отношении психологической науки, психологи в последнее время проявляют к Бахтину повышенный интерес и подчеркнутое уважение. Деятельность направлена на познание мира посредством философской мудрости, и истолкование явлений Вселенной через истоки челове-